

мья было получено на стимулы дом и мы. Это значит, что построенная по результатам ассоциативного эксперимента со школьниками 5-8 классов схема ассоциативных связей будет отличной от схемы ассоциативных связей, полученной в результате обработки данных ассоциативного эксперимента со школьниками 9-11 классов. Так, например, во всех трех возрастных группах слово *сестра* прочно связано со словом *брат*, т.е. самой частотной ассоциацией на стимул брат является реакция *сестра*. Мы можем предположить, что наибольшее количество реакций словом *брат* будет получено на стимул сестра. Однако направленность и прочность ассоциативных связей слова *брат* меняется с течением времени: у 1-4 классов брат ассоциируется со словами “наш”, “единственный”, у 5-8 классов со словами “родной”, у 9-11 классов со словами “сын”, “родной”. Подобная нестабильность отдельных ассоциативных полей свидетельствует о неравномерном развитии ассоциативных связей даже близких по тематике слов.

Вместе с тем необходимо отметить, что возрастная динамика большинства ассоциативных полей слов-стимулов, входящих в тематическую группу “семья” движется в сторону возрастания доли наиболее частотной реакции. Причины таких изменений, по-нашему мнению, кроются в процессах стабилизации и стандартизации знаний как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, что способствует более адекватному взаимопониманию общающихся.

Ю.В. Сложеникина

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫДВИЖЕНИЯ ПРИЗНАКА И ПОДОБИЯ (на материале названий профессий)

Самарский государственный технический университет

Одну из тематических групп (далее – ТГ) лексики русского языка составляют наименования профессий. Эти производные лексемы возникли в результате мыслительных операций человека над бытийными категориями объекта, процесса, состояния и свойства. Названные предельно широкие категории стоят на высшей ступени семантической классификации лексики, детализируются человеческим сознанием по мере освоения им конкретного или умозрительного мира явлений, и в пределах семантика любой языковой единицы сводится к одной из этих категорий. К примеру, в ТГ наименований профессий категория объекта реализуется в языковых единицах *дворник, ключница, горничная, каменщик* и др.; процесса и состояния – *врач, знахарь, портной, печник* и др. Объектом рассмотрения в данной

статье станут наименования, возникшие на базе онтологической категории свойства (признака, величины): *бурлак, вельможа, генерал, донор, майор, секретарь*.

Перечисленные лексемы составляют лексику русского языка [см: 7], однако этимологически восходят как к собственно русской, так и к интернациональной греко-латинской морфемике. На наш взгляд, когнитивная лингвистика во многом снимает данное противопоставление, поскольку обращается к общим закономерностям ассоциативного человеческого мышления, к универсальным принципам формирования человеческого языка [2: 31-34]. Концептуальный анализ названий профессий может способствовать реконструкции процесса превращения некоторого сегмента образа мира человека в готовые языковые формы, поиску “зачаточной истины” [формулировка В.З. Демьянкова, от лат. причастия *conceptus* – зачатый, см.: 3: 2001].

Мотивировка названия профессии в данном случае актуализирует ассоциативный тип связи между внутренней, этимологической формой слова и ее специализированным, дальнейшим значением. Такие ассоциативные наименования выражают мотивацию косвенно, через различного рода когнитивные соединения. Процесс специализации лексемы, т.е. ее переход от названия общеупотребительного понятия к профессиональному нам представляется следующим образом. На первом этапе некоторая языковая единица называет какой-либо признак объективной действительности, как-то: *бурный, грубый, великий, главный, крупный, дающий, тайный*. На втором этапе это наименование переносится на людей – носителей данного признака. Семантически этот процесс мы квалифицируем как метонимический, реализующий модель переноса наименования по смежности: признак – носитель признака. Заключительный шаг – специализация лексемы, ее использование в функции обозначения профессии, обособление в соответствующую тематическую группу. Конечные языковые формы представляют собой метафоры, а принцип их создания – семантическое выдвижение на первый план какого-либо чувственно воспринимаемого признака. Наименование профессии возникает как результат подобия, уподобления профессионального концепта фрагменту быта, некоторому образу существования человека в обществе. Поэтому Н.А. Илюхина отмечает, что метафорическая модель “в определенной ментальной сфере может быть объяснена не только сходством между реалиями, но и смежностью их на уровне концептов” [4: 39].

Если обратиться к анализу этимонов слов ТГ названий профессий, то можно обнаружить последовательное и системное взаимодействие двух основных способов языковой образности – метонимии и метафоры. Так, исконно русское слово *бурлак* на первом этапе моделирования понятийной структуры слова-наименования рода деятельности реализовало метонимическую модель признак – его носитель. В современном значении – член

рабочей артели, занимающийся проводкой на бечеве судов против течения – слово стало употребляться в русском языке с XVIII в. До этого времени, видимо, имело старшее значение “человек грубый, буйного нрава, непокорный, буйн”. Этот признак П.Я. Черных кладет в основу номинации рода деятельности, указывая, что оба значения, по крайней мере, в первой трети XIX в. продолжали сосуществовать, см., к примеру, у А.С. Пушкина: “В сраженъе трус, в трактире он бурлак” [5, II: 161], “низкое бурлацкое выражение” [5, XI: 165], [8, I: 125]. Глагол *бурлачить* интерпретируется В.И. Далем через лексемы *грубить, буянить, ругаться, драться, своевольничать*. В народных пословицах и поговорках образ бурлака также соответствует грубому в обращении человеку: *Дома бурлаки бараны, а на плесу – буяны. Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака* [6, I: 143]. Второй этап семантического освоения этимона – когнитивный перенос с конкретного объекта на абстрактное понятие рода трудовой деятельности – завершил формирование нового понятия.

Аналогичный процесс пережило слово *вельможа* – знатный, могущественный сановник, царедворец. Этимологически данное название социального статуса человека восходит к старшему значению **velmogja* – “великая сила, могущество”. Значение “знатный, могущественный человек” развилось еще в дописьменный период вследствие контаминации слова *великий* с общеславянским **mōh-* [8, I: 140]. Образованию наименования общественного статуса на основе семантического выдвигания признака “великий” предшествовал метонимический перенос имени с человека на его функции (роль, власть) в обществе.

Схожий семантический признак лежит в основе военного термина *генерал* – звание или чин высшего командного или начальствующего состава армии, а также лицо, носящее это звание. В данном значении в русском языке слово известно, по крайней мере, с XVII в. Русский и другие славянские языки заимствовали лексему от немцев, а те в свою очередь – из французского языка. Во французском языке оно восходит к латинскому прилагательному *generālis* – “общий, всеобщий, главный, стоящий над всеми” [8, I: 185]. Таким образом, узальная лексема в старшем значении была создана по смежности признака и человека, наделенного высокими полномочиями. Семантическая трансформация значения при переходе от общего значения к более конкретному связана с метафоризацией на основе онтологического свойства – в данном случае признака “главный”. Аналогично, *майор* – офицерское звание в армии. В русском языке как название старшего офицерского чина известно с XVI-XVII вв. Первоисточник – латинское *maior* – от *magnum* – “большой, крупный, значительный” [8, I: 503].

Концептуальную близость метафоры и метонимии, т.е. их синергетическое действие в пределах одного гештальта иллюстрирует и лексема *донор* – человек, отдающий свою кровь для переливания ее больному, ране-

ному. Источник заимствования спорен (на язык-донор, по предположениям П.Я. Черных, могут претендовать французский или английский). Однако исторически формы этих европейских языков восходят к латинскому *donator* – “даритель, дающий” [8, I: 263].

Признаковую модель создания компонента ТГ наименований профессий реализует также обозначение *секретарь* – лицо, ведущее деловую переписку организации или частного лица, ведающее делопроизводством, ведущее протокол. В русском языке слово встречается в письменных источниках с XVII в. Через немецкое посредничество оно восходит к поздне-латинскому *secretarius* (от *secretus* – “тайный, сокровенный, хранящий тайны”) [8, I: 150-151].

Номинативный процесс протекает во времени, испытывая воздействие лингвистических и внешних по отношению к языку факторов. К этим двум факторам Е.В. Бекишева причисляет также и когнитивные основания номинации, поскольку в номинации “процессы восприятия, память, воображение, эмоции и мышление играют не последнюю роль” [1: 81]. Представляется, что деятельность мозга, связанная с ощущением, восприятием и представлением объекта, выраженная вербальным образом, может составлять прототипическую семантику слова.

Таким образом, в культурной парадигме названий профессий отразился антропоцентричный принцип освоения человеческим сознанием социальной реальности. Ряд признаков, характеризующих людей (в нашем случае – грубый, великий, главный, крупный, дающий, хранящий тайны) стал основанием выделения и наименования различного рода социальных положений в общественном устройстве. Впоследствии лексемы общего значения по подобию социальной роли и общественного статуса метафоризировались, став обозначением видов профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Бекишева, Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем / Е.В. Бекишева. – Самара: ООО “ИПК “Содружество”; ГОУВПО “СамГМУ”, 2007. – 250 с.
2. Гринев, С.В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия / С.В. Гринев // Научно-техническая терминология. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 31-34.
3. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В.З. Демьянков. Вопросы филологии. – М., 2001. – №1. – С. 35-47.
4. Илюхина, Н.А. Языковая образность в фокусе семасиологического и лингвокогнитивного взглядов (к вопросу об интеграции подходов) / Н.А. Илюхина // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: в 2 ч. – Самара: изд-во “Самарский университет”, 2006. – Ч. 1. – С. 38-43.
5. ПСС – Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А.С. Пушкин / редкол.: М. Горький и др. – Л.: АН СССР, 1937-1950.

6. СД – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М.: “Терра”, 1995.

7. СО – Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

8. СЧ – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

С.С. Свистула

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ПЯТИЧЛЕННОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Самарский государственный университет

До сегодняшнего дня в немецком языке остается открытым вопрос: рассматривать ли пятичленную конструкцию *Subjekt – Prädikat – Dativobjekt – Akkusativobjekt – Richtungsbestimmung* (ср.: *Er legt ihm die Hand auf die Schulter*) как модель предложения? Как известно, структура предложения определяется валентностью глагола. Обязательное присутствие в этой конструкции подлежащего, прямого дополнения и обстоятельства направления споров не вызывает, так как они детерминируются глаголом. Существуют ли четырехвалентные глаголы – этот вопрос продолжает оставаться спорным. Камнем преткновения здесь является проблема валентностного статуса дательного падежа, от чего зависит, включать ли датив в модель. Этим и объясняется актуальность нашей работы.

В исследуемой структуре используются такие виды датива как *Pertinenzdativ* и *Dativus commodi*. Именно об этих двух видах дательного – об их валентностном статусе – ведутся споры.

Pertinenzdativ служит для обозначения целого, к которому относится какая-либо его часть, непосредственно вовлекаемая в действие. Этот вид дательного имеет семантический признак одушевленности предмета. Поэтому часто в роли определяемого слова выступает часть тела или предмет одежды одушевленного лица (ср.: *Ich klopfe mir den Schnee von dem Mantel. Sie streichelte ihm über den Kopf*).

Особенностью *Pertinenzdativ* является то, что он может быть заменен определением, выраженным притяжательным местоимением (ср.: *Du wäschst dir das Gesicht > Du wäschst dein Gesicht*), или на атрибутивный *Genitiv* (ср.: *Sie streichelte über den Kopf ihres Sohnes*). Поэтому Г. Хельбиг считает его свободным членом предложения [3: 273]. Однако такие трансформации не всегда возможны, что показывает следующий пример: *Zerbrich dir den Kopf nicht! – *Zerbrich deinen Kopf nicht!* Здесь